

УДК 159.9.01

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОТЕРАПИИ

С.Р. Динабург

Представлена саморефлексия психотерапии в отношении невротического аутодиагноза. С культурологических и психотерапевтических позиций анализируются методологические отклики на состояние хаоса в психотерапии и пути его преодоления. Рассматривается возможность построения психотерапевтической компаративистики на основе психотехнической системы, герменевтического подхода, культуры обращения со смысловыми пространствами символического.

Ключевые слова: психотерапия; методология психотерапии; хаос в психотерапии; постмодернизм; психотехническая система; психотерапевтическая компаративистика; герменевтика; путешествие.

Предлагаемая работа могла бы называться «Методологический очерк аутопсихотерапии психотерапии», однако инверсия предмета и метода преследует глубинные цели.

Принято считать, что методология *превыше всего*. И методология привыкла взирать на это *все*, как на рыбок в аквариуме, присваивая тем право на ракурс *подлинности* — и хорошо, если кроме рыбок она видит при этом экосистему. Но всякий, кто прошел школу не только схолий, но и мастер-классов, знает, что именно в *психотехническом аквариуме* происходит подлинное действие и открываются иные ракурсы, что делает необходимым и возможным последующий опыт профессиональной рефлексии для *всех* участников.

По мнению современников, мы живем в эпоху постмодерна, и с этим надо считаться. Но не все то постмодерн, что обладает обратимостью *вне — изнутри*, и где топология иерархии знает свое скромное место рядом с неисповедимыми путями гипертекста. Это может быть архитектурный строй старой, как мир, сказки, рассказанной Кэрроллом и Проппом с учетом интересов научной аудитории.

Специфика авторского изложения обусловлена профессиональной привычкой автора переводить дискуссию в область субъектных отношений. Это значит, что автор с глубоким признанием относится к психотехнической

школе В.Н.Цапкина, Ф.Е.Василюка, А.И.Сосланда, чьи методологические изыскания в сфере психотерапии вдохновили автора этой работы на собственные изыскания. Деятельность научной школы, исчисляемая десятилетиями, отличается редкостью и концептуальностью *подготовки кадров* именно психотерапевтического профиля. Кроме того, наличие конфронтации позиций способствует интеллектуальному поиску вообще и процессу профессионального взросления в частности.

Чтобы нейтрализовать избыток непродуктивного пиетета, автор считает возможным мобилизовать ресурсы своей гендерной принадлежности. То есть дать себе право: а) превышать средневзвешенную для научных изданий норму поэтики, мотивируя это тем, что, как и у Б.Ахмадуллиной, статьи *не пишутся — случаются*; б) подобно гоголевской Марье Антоновне *говорить — лишь бы только наперекор*; в) текстуально флиртовать с теми, к кому испытывает симпатию. Обоснованную же критику автор обязуется рассматривать в области профессиональных интересов, не прибегая к уловкам женской логики и ссылкам на девичью память.

Диагноз для психотерапии

Широкой аудитории может быть непонятен контекст публикаций последних лет в духе

«Психологическое сообщество выбирает интеграцию»[15], поскольку в эпоху глобализации кто только, по какой необходимости и какую только интеграцию не выбирает.

Но у психотерапии особая судьба. В середине 80-х гг. на Международную конференцию «Эволюция психотерапии» собрались выдающиеся теоретики и психотерапевты со всего мира. После чего журнал «Time» процитировал высказывание одного из участников: «Здесь все специалисты, но никто друг с другом не соглашается»[12. С.483]. Через несколько лет на такой же конференции, где присутствовали уже чуть ли не все ведущие представители основных школ и направлений, была предпринята попытка обнаружить *хоть какую-то* точку совпадения мнений. И даже, казалось бы, тривиальное высказывание: «По крайней мере, все согласны, что психотерапия должна быть честной», — также имело свою оппозицию [19. С.5].

Претензии на единство понимания каких угодно положений и концептов, не говоря о ценностных смыслах, сегодня наивны, и тем более трудно ожидать этого от психотерапии, в своем становлении на протяжении XX в. неоднократно пережившей философские интоксикации.

Как глубоко и в чем же именно мы, психотерапевты, так бурно не сходимся? Может быть, наши отношения больше *про любовь*, а не *про войну*? И они свидетельствуют о готовности воспринимать проблемы *вечного становления* и говорить о них?

Ф.Е.Василук [4. С.37] конкретизирует разногласия в понимании сущностного вопроса «Что такое психотерапия?» в ключе поиска *общего определения* психотерапии, а причину неудач всех попыток видит в «неадекватной, натуралистической постановке вопроса». Внимание при этом акцентируется на диспозиции «логическая тупиковая задача» — «акт личного выбора позиции». Соответственно, некорректную задачу поиска общей дефиниции он предлагает заменить «метазадачей выявления параметров специфики психотерапии», созданием корпуса *общих вопросов*, специфицирующих

как психотерапию в целом, так и подходы внутри неё.

На наш взгляд, поиск *общей дефиниции* является псевдопроблемой, которая урегулируется, как минимум, двояким механизмом. В поле речевых взаимодействий — не столько семантикой, сколько прагматикой высказывания: классический немецкий вопрос *für welchem Ziel?* — *с какой целью?* (наша административная мудрость: «вам характеристику в тюрьму или на награждение?»). И в поле социальных взаимодействий — в ходе институционализации, т.е. *утряски* и *устаканивания* норм.

Удивительно другое — ощущается во всем какая-то *неодолимая воля к несогласию*, гипноз межконфессионального невосприятия. Непонимание не на уровне дефиниций, а на уровне глубинного и искреннего непонимания одними *умными людьми* — других (*и как можно всерьез заниматься этими глупостями?*). Как правило, классические психоаналитики в этом смысле не понимают юнгианцев, те, в свою очередь, приверженцев биоэнергетического анализа, а все вместе — гештальтистов и т.д. Приверженцы понимающей психотерапии предупреждают, что их *понимание* означает *именование* центрального метода и *адресовано* их *клиентам*.

Если взглянуть шире, то можно увидеть, что от родительских сфер науки и клинической практики психотерапия унаследовала многое, но только не их архитектуру. Можно заподозрить даже, что психотерапия идёт путем возвратным, к уже проложенному философией, а именно — *от Логоса к Хаосу*.

Одним из первых, кто почувствовал неладное, был Карл Роджерс, в начале 60-х гг. сказавший: «Поле психотерапии находится в состоянии хаоса». Через несколько лет Коулби констатировал: «Хаос возоблада», еще через несколько лет Сингер называет подготовку психотерапевтов «вавилонским столпотворением» [12. С.483], и, наконец, приоритет в постановке диагноза самой психотерапии — *вавилонское смешение языков* — признан за экзистенциальным аналитиком Уилсоном Ван Дьюсеном [19. С.7]. Но если Роджерс под хаосом

понимал скорее *попытки* психотерапевтов говорить о *сходных вещах*, используя разные слова и языки, то далее, в духе времени, становилось очевидным, что *разные языки* — это теории, описывающие *разные реальности*.

Тогда же пошла мода чуть ли не гордиться тем, что психотерапия имеет около 400 своих дефиниций, а количество различных школ достигает 600 (другое дело, что именно считают психотерапией Европейская или Американская психотерапевтическая ассоциация, и какие виды психотерапевтической помощи *признаны* в рамках возмещения медицинским страхованием). И за этим разнообразием стояло не просто отсутствие *единства в фундаментальных основах*, а действительное непонимание — где его искать, и так ли оно, по большому счету, нужно.

Более того, предпринимаемые попытки построения *Общей теории*, оставаясь заметным культурным явлением, де-факто переворота не свершили. Так, рецензия к работе А.И.Сосланда [18] (написанной, кстати, в пограничном жанре между манифестом и научным стёбом) констатирует, что «предлагаемые автором концепты и термины практически полностью исчерпывают объем знаний в области психотерапии, а понятийный аппарат в целом покрывает все те реалии, которыми оперируют психотерапевты разных направлений». И вообще, «очередной российский Левша на глазок, как бы нехотя, с прибауточками, сделал (или «отслонявил», как сейчас принято говорить) то, над чем долго работали целые команды ученых на Западе» [9]. «Отслонявливание» в конце 90-х имело «широкий резонанс в профессиональном сообществе» (Википедия) и было удостоено звания «критики психотерапевтического разума» (на наш взгляд, стойкие аллюзии возникают отнюдь не с Кантом, а с Фейерабеном), но, как сказали бы сейчас, «мессидж» не «гуглится».

Итак, если сама психотерапия подобна диссоциированной невротической личности, в своем диссоциированном виде, как гипер-, интер- и за- текст, прочно прописавшаяся в «Словаре культуры XX века» [16], то какое же генераль-

ное утверждение в её отношении было бы правомерно сегодня?

Почти 20 лет назад представлялось, что субличности этой невротической особы являются «слепыми и глухими по отношению друг к другу и пытающимися узурпировать всю полноту власти», а сама она нуждается в исцелении [19. С.8].

Рискнём понадеяться на консенсус: «По крайней мере, все согласны, что психотерапия ведет бурную, насыщенную жизнь». В наши дни она пытается высвободиться из крепких объятий науки и академической психологии, зато её очень привлекает альянс с теологией, религией и мистицизмом, что позволяет ей *не* опровергать периодически возникающие слухи о своей безвременной кончине [1], а принимать их к интерпретации в духе «символической смерти». Если же рассмотреть тезис «фундаментального структурализма» от психотерапии: «Мы исходим из вполне очевидного соображения, что в конечном итоге все — полемика и политика» [18], то может показаться не менее очевидным, что невротичность психотерапии — сегодня вполне здоровое явление в сравнении с пограничными расстройствами полемики и психотическими срывами политики. В невротической организации самой психотерапии есть субличности, которые оберегают и защищают её право сомневаться, волноваться и *не* быть безусловно правой: «Умение беспокоиться о том, что я говорю и делаю, — часть моего человеческого существования и призвания. Когда я не испытываю беспокойства, когда не чувствую неуверенности (а это почти одно и то же), я не играю никакой истинной роли в том, что происходит; тогда я просто наблюдатель. Беспокойство необходимо при принятии решений, влияющих на людей» [3. С.215].

Нормальный диагноз. Наша эпоха разговаривает диагнозами и живет в синдроме «доктор, я какой-то не такой». Как говорят не очень добрые терапевты — *а теперь поживите с этим*.

Закон джунглей гласит

Дендрологическая метафора философии — архаический, фундаментальный культурный символ дерева (или группы деревьев и даже ризома-травы): Мировое Древо (идей), Священная Роща мировых философий, величаво соседствующих друг с другом, ризома Дерева Будды, даже баобабы Маленького Принца, которых надо выпалывать как сорную траву, ибо они не только конкурируют с хрупкой розой, но и угрожают планете. Корни уходят вглубь, ветви переплетены, стволы множатся — «дерево подчинило себе весь западный мир и западное мышление, от ботаники до биологии, анатомии, гносеологию, теологию, онтологию, всю философию» [7. С.301]. Можно говорить о том, насколько «ризоморфна» восточная философия в оппозиции западной, а также американская и русская, сочетающая Запад и Восток, но в любом случае просматривается если не всегда «мировая ось», «центральность» и «иерархия», то уж наверняка — структурность как таковая, регулярность и упорядоченность в смысле «сквозной логики развития мироздания» [7. С.302].

Растительная метафора психотерапии иная — это джунгли. Отметим её коннотации: во-первых, отсутствие глобальной регулярности. В целом, это конгломерат, нагромождение направлений, школ, методов и даже техник. Мощные стволы оплетены лианами трудноопределимой принадлежности; нижний ярус — труднопроходимая поросль; масса ярких, привлекательных и при этом симбиотических и паразитических творений (питающих и питаемых связей). Во-вторых, это оттенок (экзистенциальной) тревоги — по факту существования тайной жизни, неизвестных и угрожающих её форм, а также необозримости, неохватности этого пространства, таящейся угрозы потеряться, т.е. потерять себя.

Конечно, это еще (и уже) не Хаос. Тревога по поводу джунглей, как переживание, близка к хаосу, но сами *джунгли* — «это как бы срез хаоса» (Ж.Делез и Ф.Гваттари). «Для хаоса характерно не столько отсутствие определенностей, сколько бесконечная скорость их возник-

новения и исчезновения; это не переход от одной определенности к другой, а, напротив, невозможность никакого соотношения между ними, так как одна возникает уже исчезающей, а другая исчезает едва наметившись» [6. С.57].

В этом смысле психотерапия не хаос — её «бесконечность» и «невозможность» вполне операциональны. Но «джунгли» психотерапии паразитически напоминают другой «срез хаоса»: «мысль не древоподобна, а мозг — не корневая или разветвленная материя... Прерывность клеток, значение аксонов, функция сближения клеток (синапсов), существование синаптических микротрещин, «перескакивание» сообщений через эти трещины образуют мозг множественности, который погружен в собственный план консистенции ...» [6. С.58].

Итак, *психотерапия* более чем «нормальна» — она *аутентична своему предмету*.

Но роскошь сотен дефиниций своего предмета может позволить себе только философия, психотерапии этого не простят. Психотерапия все еще «как бы» наука (с соответствующей «как бы» институционализацией) и, что для нас важнее, — «на самом деле» область практики (о ментальности и модальности «как бы» и на «самом деле» [6. С.123]). И если задача философии — «придать консистенцию, ничего не потеряв из бесконечности» [6. С.57], то задача психотерапии — сделать «практически» то же самое. То есть а) умножая (или подразделяя) бесконечность на количество субъектов, не потеряв из бесконечности «ничто», без чего сама задача — «ничто» и б) сделать это в конечных условиях с понятным результатом (симптомы клиента, а также его время и деньги — категории совершенно определенные). Конечно, можно найти и такое понимание, что «попить чаю и поговорить “за Бога”» однозначно фундирует экзистенциальную психотерапию, и, возвращаясь к началу статьи, «многие пациенты хотят как раз нечестности, и задача терапевта предоставить им это». В этом случае мы должны иметь определенную позицию, однако простое привлечение системы аргументации из некоторой, подходящей части «джунглей», равносильно инициализации дурной бесконеч-

ности (рассказыванию сказки «про белого бычка» в лексике «эффектов спонтанной ремиссии», «плацебо-контроля» и «приемлемости психотерапевтического метода»).

Время собирать камни и уклоняться от объятий

Полувековая «экзистенция хаоса» в психотерапии породила и многообразие «экзистенций в хаосе», на основных стратегиях которых и хотелось бы остановиться. Пропуская констатирующую позицию, в которой рефлексия и действие тождественны, перейдем к последующим.

1. Хаос как кризис. Кризис неизбежен, но преходящ. Ранние догадки о системном кризисе культуры и о происках постмодернизма. На Западе — конкуренция и плюрализм вызывают лавинообразный рост методов и усиливают сепарационные тенденции. Эффектное явление миру самых новых, очень прогрессивных, безусловно эффективных и т.д. методов (Калифорнийская школа, НЛП), вобравших все лучшее и преодолевших все худшее. Отечественная психотерапия осознает себя «вырвавшейся из-под гиперопеки психиатрии», переживающей «юношеский кризис идентичности» [19. С.8], при этом скептически комментирует недостатки западного опыта. Драматическая двойственность экзистенции чеховских героев — «надо что-то делать» — «ничего, все само как-нибудь образуется».

2. Хаос как беспорядок. Попытка установить порядок на более высоком иерархическом уровне системы. Новые надежды — интеграция, мультимодальность и полифония. В.Н.Цапкин писал: «Как мы пытались доказать, многие психотерапевтические подходы являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, относясь к принципиально разным измерениям, уровням человеческого бытия. Противоречия в позициях снимаются в рамках спектрального, многомерного подхода» [19. С.10].

Упорядочивание идет в нескольких направлениях. Во-первых, это активный поиск основания для интеграции существующих теорий и методов, с некой реабилитацией эклектизма,

что выразилось, в частности, в развитии такого подхода, как психосинтез. Однако новые интегративные подходы не означали глубокой интеграции всей психотерапии, а эклектизм, как «выраженная склонность большого числа психотерапевтов отходить от строгого соблюдения “школьных” принципов и использовать многие методы из арсенала психотерапевтических подходов иных теоретических ориентации», оказался не слишком доступен в силу организации подготовки специалистов [19].

Второе направление, понимаемое как «спектральность», базируется на «парадигме специфических вмешательств» [12. С.486], выражаемой позицией «разные методы для разных людей». Задача заключается в том, чтобы выяснить, какие методы и тактики эффективны для каких клиентов (пациентов), с какими проблемами и в исполнении каких специалистов. Хотя эта парадигма и получила теоретическую разработку, достаточно быстро стало ясно, что она эмпирически нереализуема и невалидируема, а отдельные экспериментальные попытки затем не дали явных доказательств. Тем не менее в русле этого направления развиваются мультимодальная психотерапия Лазаруса, многомерные подходы Минделла и Грофа. Поскольку терапевту в этом подходе предстояло составить уникальный план воздействий из широчайшего арсенала средств, без особой опоры на какую-либо общую теорию — что в инструментальном плане означает метод проб и ошибок, то лучше, если он будет харизматиком. (С точки зрения М.Эриксона, общие теории — вообще прокрустовы ложа для уникальных индивидов).

Интересно отметить, что сложился стойкий миф о «спектральности» в смысле специфичной связи «проблема-метод». Некоторые высказывания могут служить примером невалидируемых и нефальсифицируемых утверждений соответствующего статуса: «Некоторым пациентам может помочь телесноориентированная психотерапия, массаж или биоэнергетический анализ. Другие пациенты получают больше от психодрамы и когнитивной психотерапии» [11. С.11]. Причем и в пределах

одной работы можно встретить как саму мифологию, так и её методологически адекватное опровержение. Позволю себе процитировать: «...существует множество данных, свидетельствующих о том, что методы той или иной психотерапевтической школы действительны лишь в отношении специфического контингента пациентов (клиентов) для того или иного круга состояний (проблем)» [19. С.8]. Через пару страниц констатируется тупик исследований: «...поражает диспропорция между огромным количеством попыток произвести объективную “количественную” оценку эффективности различных психотерапевтических практик и действующих в них терапевтических факторов, с одной стороны, и скудностью выводов, предлагаемых этими исследованиями — с другой» [19. С.16].

Третий аспект противостояния хаоса силами разума и порядка — это, безусловно, ценный и своевременный принцип плюрализма, обозначенный также принципом культурной полифонии: «представление о школах мировой психотерапии не как о конкурирующих претендентах на единственную истину, а как о представителях полифонической культуры, складывающейся из разнонаправленных, но полноценных систем, состоящих в отношениях продуктивного исторического диалога друг с другом»[5]. Иначе говоря, все субличности нашей невротичной психотерапии имеют право на «инаковость», право на высказывание и участие в диалоге. Заметим, что полифония может означать как гармонию, так и какофонию — с трудным вопросом о механизмах её культурной регуляции и медиации и невнятным ответом об их самодетерминации.

3. Хаос как «наше всё». Поддержание хаоса как процесса в феноменологическом поле.

Конечно, это позиция постмодернизма, но, по факту, постмодернизм в психотерапии еще не заматерел, это такой *невсамделишный* постмодерн с поддержанием хаоса разбросанных игрушек. Проблему кратко обозначил когда-то В.Высоцкий: «*Настоящих буйных мало*», а собрал урожай на русской почве А.В.Перцев [13].

Как представляется, «поддержание хаоса» и подобные тому взаимоотношения — оксюморон, поддерживать представляется возможным беспорядок, как инаковую форму порядка, но отнюдь не хаос в обозначенном выше (и достойном постмодернизма) смысле. Несмотря на устранение «объективной реальности» и «антиэссенциализм», в процесс *разоформления* решительно вторгаются культурные стереотипы, апелляции к опыту и логические фигуры, невзирая на то, что их лишили именования и онтологического статуса. *Поддержание хаоса* — жанр рискованной манипуляции, и здесь редко найдешь органичное и живенькое исполнение этого номера.

Приведем два тому примера. Первый касается уже упомянутого «фундаментального структурализма»[18], где логика *поддержания хаоса* следующая. Паника, имеющая место по поводу «перепроизводства» школ в психотерапии, не обоснована: важнейший вызов, существующий в сегодняшнем психотерапевтическом сообществе, — это вовсе не вызов избытка, множественности школ, а, наоборот, их недостатка. С другой стороны, дело и не в качестве теорий и школ — сама по себе эта проблема неустранима («эмпирическая легитимация обоснованности школьных теорий и эффективности техник является крайне сомнительным делом»). Решение — в сфере «человеческого фактора»: психотерапевт должен быть харизматической личностью. А поскольку именно стремление к харизматическому влиянию (господству) и удовольствию (оргазму) от харизмирования лежит в основе желаний психотерапевтов создавать новые методы, то харизматизация сообщества и воспроизводство харизматиков позволят конструировать вдохновляющие и неординарные практики. «Рационально-технологическая сторона дела должна здесь быть так или иначе примирена с магически-мифологической», впрочем, свежие харизматики заведомо харизматичнее старых, вошедших в фазу рутинизации, поэтому можно ожидать, что процесс харизматично самоурегулируется. Очевидно следующее: сам автор — несомнен-

но, харизматик, и волны его волнующего влияния затронули и читателей.

Во втором примере, как может показаться, разработана радикальная модель *непротивления хаосу*. Её автор, гештальт-терапевт, обращается к философским основаниям психотерапии эпохи постмодернизма в целом и гештальт-терапии в частности [14], полагая, что гештальт-подход оказался в авангарде постмодернистской революции в психотерапии. Он отмечает, что постмодерн постулирует психотерапию как философию и искусство, а «для этих сфер в отличие от науки характерен отказ от любого контроля хаоса». Не будем строги к слову «любой», придавая значение тому, что в этом случае излишне фиксировать: «поле философии — концепты и имманентный план, поле искусства — композиция». Для нас важно выяснить, что есть, а чего нет, в таком случае, в психотерапии.

Итак, определяющей становится категория образа реальности, а «смерть автора» трактуется как «смерть клиента» и «смерть терапевта». «Можно утверждать, что каждый терапевт работает со «своим» клиентом, являющимся лишь образом, сформированным самим терапевтом. Справедливо и обратное — терапевт — это лишь образ, сформированный клиентом в существующем актуальном контексте». Смысл этих взаимоотношений не существенен, поскольку смысл вообще не является ценностью или необходимостью. Смысл предстаёт как «невротическая попытка придать фиксированное и более или менее постоянное значение времяпрепровождению, представляющему собой чередование способов сопротивления смерти: учебы, работы, секса, философии, науки, искусства и т.д.», причем «утрата смысла» и «бессмысленность» — тоже «вне смысла». Ценностью является «процесс» в самом широком значении (в виде self, поля, контакта и т.д.) — в процессе психотерапии человек лишь становится более чувствительным к процессу, любые успехи — продукт побочный. «Психотерапия — это процесс примирения self с самим собой». Вместе с тем феноменологическая (клиническая) картина для современного человека

представляется альтернативой «невроз — безумие», однако континуум между этими крайними точками не определен. Да и сама личность не определена — она «из относительно устойчивого образования превращается в процесс организации контакта в поле и организована уже не посредством структуры, а посредством функций, реализуемых ею в ходе процесса контактирования со средой». Вне этого контакта, вообще говоря, не существует потребностей, чувств, ценностей, убеждений, знаний, умений, свойств и даже self.

Не будем забывать, что представленное описание — только образ реальности, своего рода сновидение, фрагмент скольжения через хаос, вернее, модус его существования. Есть ли в этом сценарии, по законам жанра и композиции, какая-то интрига, кульминация, развязка? Надо полагать, что они имеют место в «точке контакта» сновидения и тех аспектов хаоса (он, по определению, всегда нечто большее), которые не постулируются как категории, а опознаются при столкновении с ними. Мы полагаем, что автор знает, чему релевантны категории «жизнь», «творчество» и «удовольствие», о которых он пишет.

Метафорически, и в своей полноте, этот сюжет уже был представлен в рассказе В.Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Главная героиня Вера, постигающая *философию* под «ненавязчивым и непрямым» руководством, однажды открывает, «что все долгие годы духовной работы, потраченные на поиски смысла, оказывались потерянными зря, потому что дело было, оказывается, в тайне», а «знание тайны жизни в отличие от понимания ее смысла позволяет управлять бытием, то есть действительно прекращать старую жизнь и начинать новую». Процессуально реализуя эту тайну — «всё идёт так, как мы пожелаем», героиня действительно становится более чувствительной и способна видеть «метафизическую функцию предметов», но поскольку она не знает её смысла, она не в состоянии «различить их метафизической сути». А именно она видит на всём следы дерьма, испытывает фантомную боль от ампутированного смысла; ей стало ка-

заться, что «её заменили плоским рисунком на бумаге, и в её плоской душе поднималась плоская ненависть к плоскому миру вокруг». (Категория «дерма» занимает особое, историческое место в гештальт-терапии. Как и «помойного ведра», благодаря которому, по сюжету, Вера контактирует со средой посредством символических и буквальных функций). Ненависть разрешается в акте «смерти терапевта» — процессуально завершением гештальта в стилистике Достоевского, т.е. от удара топором. В апофеозе та сила, которой некто открыл вентиль вместе с открытием «тайны жизни», грозно прорывается в мир Веры. Вселенский потоп фекальной субстанции уносит её прочь; за «солипсизм» ей грозит низвержение в литературу социалистического реализма, но оказывается она в романе Чернышевского «Что делать?», очевидно, для того, чтобы видеть сны.

Такая *деконструкция* гештальт-терапии, как авангарду постмодернизма, должна понравиться.

4. Хаос как пространство путешествия

Кульминационной точке изложения необходимо предпослать связку метафор, скрепленную, как узлами, квадратными скобками в точках перехода между авторами. Связность эта, вызванная имагинативной логикой творческого акта, сложилась в интертекст, т.е. текст, состоящий из цитат и реминисценций:

Это жанр набросков путешественника, ищущего опасных методологических приключений [2. С.6]. Мыслить — всегда значит идти колдовским путем; не будет ошибкой сказать, что это опасное занятие [6. С.56], потому что самые искушенные головы пугаются набегающей волны парадоксов. Изобилие заводящих в тупик пируэтов даже у излишне самоуверенных людей отбивает всякую надежду понять, что же на самом деле происходит [2. С.6]. Из такого похода возвращаются с опаленными глазами, в нем требуется экспериментировать на ощупь и при его начертании пользуются средствами не вполне благовидными, не вполне благоразумными и рациональными — из разряда грез, патологических процессов, эзотерических опытов или трансгрессии [6. С.57]. Как известно, пу-

тешественники замечают далеко не все, но оставляют дневниковые записи о самом разном [2. С.6]. В Эрсии для того, чтобы обозначить отношения родства, обмена, взаимозависимости или передачи прав, жители протягивают между домами белые, черные, серые или черно-белые бечевки. Когда их становится так много, что между ними уже невозможно пройти, жители переезжают в другое место, и после разборки домов остаются лишь столбы с натянутыми между ними бечевками [10. С.98]. И все-таки сетка нужна. Нужны прочные связи и ответственности между различными теориями, направлениями, концепциями [8. С.294]. Обнаружение «сквозных структур», общих для различных психотерапий, является основой понимания психотерапии, как единого целого [17. С.17], в виде сети, протянутой сквозь хаос [6. С.56]. Теперь я расскажу об Октавии, городе-паутине. Между двух крутых гор есть пропасть, над которой и находится город, прикрепленный к обеим вершинам канатами и цепями и соединенный внутри лестницами. Приходится осторожно ступать по деревянным перекладинам так, чтобы не попасть ногой в пустоту между ними, или же цепляться за ячейки пеньковой сети [10. С.96]. Их знание поддержит любого начинающего психотерапевта, а со временем приходит понимание относительности, ограниченности возможностей любой теории [8. С.294]. Понимать — так, как один человек может понять другого [13. С.16].

Как возможна психотерапевтическая компаративистика

Психотерапевтическая компаративистика, о необходимости создания которой так долго говорили классики отечественной психотерапевтической методологии, у нас действительно свершилась. Появляются работы по сравнительному анализу «философско-антропологических, ... и пр. оснований с целью обнаружения общих векторов их развития, выявления психотерапевтических универсалий»[5].

Вопрос в другом — на какой метаоснове будет происходить её победоносное шествие и связанный с этим вопрос — *für welches Ziel?*

Авторы психотехнической теории предлагают следующие методологические основания [4. С.17]:

1. Психотехническая теория есть теория практики, а не объекта, она описывает не психику, а работу-с-психикой.

2. Основой понимания психотерапии, как единого целого, является обнаружение «сквозных структур», общих для различных психотерапий.

3. Сравнительный анализ — это типологический анализ, с разложением известных психотерапевтических теорий и методов на составные части и установлением системы соответствий между структурными элементами.

В отношении этих положений есть два ключевых, принципиальных возражения.

Первое заключается в том, что какой бы разработанной ни была психотехническая теория, она работу-с-психикой именно *описывает*, т.е. представляет собой теорию не объекта, в данном случае психотерапевтического процесса или стратегии, а *образа* объекта. Иначе говоря, это теория не того, что мы делаем, а того, что мы думаем, что мы делаем. (Этот урок И.Канта естественные науки проходили еще давно, но они были тогда очень юными и не все поняли, а психотерапия вообще отсутствовала по уважительной причине. Хотя Кант размышлял тогда именно о душе, но пришлось ему отвлечься и разнимать историческую школьную потасовку на тему *о правильном методе*).

Следствия из этого, казалось бы, казуистического и маловажного замечания обладают огромной силой. *Обнаружение* исследователем чего-либо происходит не в поле «открытия истин», а в поле «конструирования интерпретаций» (принцип генеративности), и стать *общими* они могут, например, конвенционально — *вдруг* все согласятся (сплотятся перед лицом общей угрозы). В строгом смысле, «сквозные структуры» или «общая система вопросов, на которые надлежит ответить каждой «психотерапии»», — это, по своему статусу, фрагменты

тех же подходов, но вынесенные на метауровень. Имплицитно они содержат все те же *основания для недоверия*, как и те «психотерапии», которым *надлежит* пройти *фэйс-контроль*. И тогда мы имеем три тенденции, противодействующие с разной силой такому положению вещей и, вообще говоря, *стимулирующие крепчение хаоса*. Это — «двойное послание» участникам сообщества: латентный отказ от принципа плюрализма/полифонии при его декларировании. Это — новый виток отношений между психотерапиями, теперь уже в процессе создания альтернативных «сквозных структур». А поскольку соблюдение принципа полифонии предполагает *исторический диалог культур*, «сквозные структуры» предстоит искать в результате не общепсихологического, а культурологического анализа. А ведь за психотерапией замечено не только «стремление являть собой феномен культуры» [18. С.55], но и попытки заталкивать культуру в себя. Невротик *все* делает невротически, будем же радоваться тому, что нарциссическая булимия для нас лучше такой же анорексии.

Второе возражение связано с вопиющей непродуктивностью структурного подхода при анализе таких объектов, которые развиваются нелинейно, многовариантно и вероятно, обладают высокой динамичностью, включенностью в индивидуальные и социокультурные контексты. А *работа-с-психикой* — как раз такой объект.

Структура (разложение на составные части и установление системы соответствий между структурными элементами) — это редукция, удобная для описания тривиальных случаев и парциальных факторов. Она не учитывает того, что делает ценным знание о живом и действующем объекте — «за рамки структуры как закона сообразности выходят случай, шанс, событие, свобода» [16]. Структурный подход лучше всего показал себя в лингвистике, при анализе текстов, но и там его побочные результаты, как говорят, оказались ценнее прямых достижений. У структурного анализа, пытающегося *создать модель* реальности в её сложности, *приблизиться* к её динамике и непре-

рывности — недобрая участь. Мы не утверждаем, что его существование невозможно. Но, вырастая за пределы *эскиза*, пробы, лаборатории, он будет погребен под грузом всего того структурного добра, которое будет принужден таскать с собой, с бонусом дополнений, исключений из правил, кросс-уровневых переходов и прочих радостей. Он даже может быть верен в отдельных местах. Взамен этого, как представляется, он будет чудовищно уродлив и столь же чудовищно неудобен.

Собственно, это обоснование того, почему на смену структурализма пришел постструктурализм, почему экспертная система заманчивее реляционной базы данных, почему люди предпочитают ходить не по распланированным дорожкам, а прокладывать свои тропинки, а критерием истинности в науке признан и принцип красоты.

Тема, что такое «психотерапии», разнесенные по ячейкам таблицы, заслуживает отдельного исследования.

Как же в таком случае возможна психотерапевтическая компаративистика?

На наш взгляд, она нуждается в тесном союзе с сестрой своей — герменевтикой. И это тоже тема отдельного исследования. Но и она — только инструмент: есть что-то такое, вне чего и герменевтика превращается в схоластическую экзегетику в худшем её смысле. Есть что-то такое, вне чего *игра в бисер* становится наглостью *умертвлять Автора* и ловкостью *тырить абзацы*, после чего здравому читателю хочется либо кратко выразиться на олбанском наречии, либо пойти и удавиться.

Обещанная сказка. В синем море-окияне (*бессознательного*) есть остров (*сознания*). На острове том — дуб (*уже знаем, философской упорядоченности*), на дубе том прикован цепями сундук (*еще большей методологической упорядоченности*). А в сундуке-то — заяц (*то, что всё равно ускользает-убегает*), а в зайце — утка (*то, что затем и улетает*), а в утке — яйцо (*рождение и весь мир*), а в яйце — игла (*то, что так пронзительно*). И вот, когда *некто* проследует по своему культурному пути *героя*, со всеми остановками по маршруту, и над-

ломит острие иглы — тут и хаосу-Кощю ... сами знаете что.

Наша невротическая психотерапия не зря подбивает клинья к теологии. Н.Кузанский пытался донести до братии, что *Бог* находится в каждой точке брэнного мира, но при этом является собой и бесконечность. Нам — только развернуть и свернуть, умеючи-то ...

Каждый толковый психотерапевт и педагог *делает это* — и разворачивает-сворачивает и достает из рукава и кролика, и *что вынется*. Схемы-структуры — тоже нужны, и как козыри в рукаве, и как повод к культурному путешествию. И респекты тем, кто хочет учить и ужеставляет психотерапевтов в атмосфере творческих мастерских, а не только академических классов, насколько мы понимаем, психотехническая школа и делает это.

Не в книгах хранится учение, а в человеке [13]. На этом Шахерезада прерывает дозволенные речи.

Список литературы

1. *Eisner D.* The Death of Psychotherapy: From Freud to Alien Abductions. Westport, CT: Praeger Publishers, 2000. 235 с.
2. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003. 368 с.
3. *Бьюдженталь Д.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии/пер. с англ. А.Б. Фенько. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 336 с.
4. *Васильюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4. С. 37–41.
5. *Васильюк Ф. Е.* Психологический университет в Москве: факультет психологического консультирования // Психолог. 2006. № 4.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н.Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
7. История философии: энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
8. *Калина Н.Ф.* Основы психоанализа. Серия «Образовательная библиотека». М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 352 с.
9. *Калмыкова М.А.* Русский прорыв на психотерапевтическом фронте // Ex libris НГ.1999. С.13.

10. *Кальвино И.* Незримые города. Замок скрещенных судеб. Киев: Лабиринт, 1997. 400с.
11. *Меновицков В.Ю.* Онлайн-консультирование как часть постмодернистской культуры (Философско-исторический контекст и методология современной психопрактики)// Психологическое консультирование Онлайн. 2010. №2. С.4-15
12. *Паттерсон С., Уоткинс.* Теории психотерапии. СПб.: Питер, 2004. 544 с.
13. *Перцев А. В.* Русское средство от постмодернизма// Известия Уральского государственного университета. 2006. № 42. С. 6-22.
14. *Погодин И.А.* Особенности психотерапии в эпоху постмодерна: процессуальный характер // Консультативная психология и психотерапия. 2008. №4. С. 179-192.
15. *Решетникова О.В.* Психологическое сообщество выбирает интеграцию // Вестник практической психологии образования. 2007. №4. С. 10-14.
16. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
17. *Сосланд А.И.* Теоретические основы построения психотерапевтического метода : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Психологический ин-т РАО, 2000. 20 с.
18. *Сосланд А.И.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999. 368 с.
19. *Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2. С. 5–40.

PSYCHOTHERAPY ESSAY FOR THE METHODOLOGY OF PSYCHOTHERAPY

S. Dinaburg

Perm State Technical University, 614990, Perm, Komsomolsky pr., 29

In the article the self-reflection of psychotherapy regarding to neurotic self-diagnosis is presented. From the cultural and psychotherapeutic positions, the methodological reactions to the condition of chaos in psychotherapy and the ways of its overcoming are analyzed. The opportunity of constructing comparative studies in psychotherapy on the basis of the psychotechnic system, hermeneutical approach, culture of use of semantic space of the symbolic are considered.

Key words: psychotherapy; psychotherapy methodology; chaos in psychotherapy; post-modernism; psychotechnic system; comparative psychotherapy; hermeneutics; symbolic journey.